

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С КЛАССА

Размышления Олега Табакова о творческой студии

ИМЯ ЕГО не нуждается в представлении. Он достаточно известен. Его творческий путь начинался в Саратове. Но в полную силу талант актера раскрылся в спектаклях московского театра-студии «Современник», работа в котором отнюдь уже более двадцати лет.

Однако мы обратились на этот раз к Табакову — педагогу. Последние годы он ведет студийный класс в ГИТИСе, и эта его работа вызывает широкий интерес. Она экспериментальна. Естественно, что всякий эксперимент в обучении, а особенно в обучении профессии творческой, когда каждый из студийцев должен целиком выявлять свою собственную индивидуальность, дело чрезвычайно сложное. И поиск приносит не только приобретения, но и потери, возникает целый ряд проблем, разрешение которых становится жизненно важным и для актера Табакова, и педагога Табакова. Об этом и шла речь в нашей беседе. А разговор начался с вопроса, как возникла мысль о студийном классе, которому суждено перерасти в театр со своей труппой.

— Мысль о своем классе возникла не случайно. Она имела для меня вполне определенные общественные мотивы. Мне думается, что в жизни каждого из нас наступает такой момент, когда кажется, что ты приблизился к определенному уровню мастерства, совершенства и стоишь на распутии: с одной стороны — удивительное достижимое. Сложными: а с другой — внутреннее беспокойство. В этом случае можно, «наслаждаясь» собственной персоной, заняться «тиражированием» себя самого. Но мне более близка

мысль о современном «отодвигании» нравственных горизонтов. Когда возникает настоятельная потребность поделиться сделанным, достигнутым и вместе с единомышленниками поискать ответы на те трудные вопросы театрального искусства, постижение которых немаловажно в одиночку.

Вот такая задача и возникла в час размышлений — создать свой театральный класс. Я бы никогда не стал этим заниматься, если слишком люблю играть на сцене, но, будучи иногда неудовлетворенным самим собой и отчасти работами своих коллег, могу, наверное, теперь сформулировать, чего нам не хватает, могу внятно объяснить мою гонимую по профессионализму, по владению актерским ремеслом. Все это привело к мысли приложить собственные силы, проявить личную заинтересованность о тех, кто придет нам на смену.

Когда я говорю об актерском ремесле, менее всего я имею в виду «технологизм». По образному выражению Антона Павловича Чехова, художник должен выдвигать из себя бы, капля раба, чтобы стать человеком, да еще — человеком общественным. Меня всегда удивляла снисходительность некоторых моих коллег к овладению профессиональными навыками. Я менее всего склонен думать о том, что надо учить набору «отмычек», нет. Необходимо думать о приобретении уверенности в своих силах, о том, чтобы каждый актер мог сказать: «я знаю себя», «я этим владею». Иными словами, актер должен почувствовать себя человеком общественным, способным выразить общественные, гражданские ин-

тересы многих. Вот чему я и пытаюсь учить своих студентов. — Ваша студия возникла, ставя перед собой задачу создания в будущем театра. Как известно, в ГИТИСе раньше широко практиковались подобные методы подготовки актеров, в особенности это касается национальных студий. Но сегодня зарождение театра на базе курса — это скорее исключение, чем правило. И судя по всему, вы за «исключение»? — Я давний противник «заготовки» актеров впрок, по принципу: авось где-нибудь пригодится. А что касается студийности, то в этом, я считаю, моим ученикам повезло — с первых своих шагов они впитывают в себя сам дух студийности, дух актерского, творческого товарищества, когда все они выступают на равных перед искусством. Без всяких сая и афиш они поистине преданы театру. И я надеюсь, что каждый из них, придя к барьеру внятного овладения профессией, будет тосковать по этому духу студийности. Не знаю, насколько он хватит им этой закалки, когда они образуют свой театральный коллектив. — «Современнику» этого хватало лет на пять. Как видите, срок-то досадно краткий... А заманчиво сделать его более длительным.

Давно известно, что жизнь театра, по крупному счету, ограничена от сны пятнадцатью годами — временем полной творческой самостоятельности одного поколения. А как продлить жизнь, неспособность театра как полнокровного, единого содружества актеров? Уверен, что это возможно лишь при условии своевременной подготовки нового поколения молодых актеров внутри самого театра. Вспомни-

наю историю МХАТа. Обновление труппы всегда происходило за счет студий. Омоложение заставляет «встрепенуться» уже признанных публичной актеров, пробуждает их от пагубного сна самоудовлетворения. Здесь срабатывает такой мощный импульс творческого роста, как актерское самолюбие. Настоящий актер никогда не позволяет «обойти» себя актерам начинающим. Он непременно будет стремиться «убежать» к новым проявлениям актерского мастерства от наступающей на пятки молодёжи.

— Что вы считаете первоочередным в своих отношениях со студийцами?

— Во главу работы студии мы поставили сочетание тупого, уважительного отношения с требовательностью и принципиальностью. Этого от нас требуют время, это подсказала наша жизнь. Об этом как раз и говорилось в постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодёжью».

Студия предполагает в своей работе не менее важный этап адаптации, который неминуем, когда актер приходит в театр, — нахождение творческого и человеческого контакта с режиссером и труппой. В условиях студийного воспитания этот этап проходит более естественно; приспосабливается к нему, радость взаимного узнавания и обогащения режиссера и актера.

Ведь как много теряют студенты только от того, что, «уходя на актера», они практически не могут целенаправленно направлять свои силы и мысли. Перед ними в течение четырех лет брезжит призрачный свет их будущего — «актера театра и кино». Хотя, хоту

это подчеркнуть, я не стремлюсь раздавать рецепты на все случаи жизни. Студийный способ не может являться единственно возможным. Просто он наиболее близок лично мне.

— Олег Павлович, во многом судьба вашего курса складывается иначе, чем других: начиная с необычного набора, затем «отселе», который опроверг бытовавшую в институте посылку о том, что в ГИТИСе трудно попасть, но еще труднее из него «вылететь», и, наконец, кончая сегодняшним днем, когда уже студенты вашего курса играют спектакли на сцене профессионального театра и в студии на улице Чапаева...

— Буду три шесть лет директором театра «Современник», я довольно конкретно и предметно занимаюсь набором актеров, а до этого в течение лет десяти вел набор актеров как председатель комиссии по работе с молодёжью. Имел известен негативный, печальный «закон», по которому примерно лишь процентов десять из числа набранных становятся Актерами. Я убежден, что только непосредственно в процессе работы в полной мере выявляются и актерские, и человеческие способности, а последние играют немаловажную роль. Ведь театр — это прежде всего коллектив людей, и во многом его общественный успех зависит от нравственной атмосферы, которая в нем существует. И если студент не отвечает каким-то нравственным требованиям, которые я предъявляю к профессии актера, мне кажется, от него просто необходимо освободиться. Потому как, оставаясь такою студийца на курсе, я бы обманывал и себя, и своих учеников, и своих коллег. Мы доби-

ваемся лишь одного: серьезности не только при наборе, но и при «отселе». Конечно же, педагогу легче на «отселевать». Он добр, он жалостлив. В высоком смысле, по-моему, это безразлично.

Все эти суждения могут показаться сугубо личными, спорными, несовершенными, но мне они дороги. Ибо что может более мощно запечатлеть о косности и рутине, гибельных для театра, как всполапывающая любовь к своей профессии?

В театр не «идут». В театр попадают как на каторгу или под поезд, как сказал один беллетрист. Театр метает людей как осы, как вето, от чего чрезвычайно трудно вылететь. Прав я или нет — это покажет тот результат, к которому мы стремимся, то есть те шесть спектаклей, которые будут готовы к началу 1980 года. Они, я только ны, могут дать ответ на все вопросы. В известной степени ответ уже дают и спектакли, которые сейчас играют студийцы. Сегодня мне кажется, что многие наши студенты «узнали себя», поняли определенные закономерности развития и становления. Кстати, эти показывают и довольно объективные тесты — со мной работают психолог и психиатр. Их тестирование на протяжении двух-трех лет дает объективную информацию о том, что психофизиологические показатели у оставшейся группы студийцев растут.

Класс студийцев — это моя радость, моя счастье. Не знаю, стал ли я лучше за это время, но добрее, терпимее, ответственно — несомненно. Вне студии я даже не представляю своего существования. Как жаль, что раньше до этого не додумался, жаль, что так много времени занимался тем, чем, может быть, и не надо было заниматься. Сегодня без студии я не мысля своего существования — это моя немалая запоздалая любовь.

Вел беседу Б. ПЕТРОВ.